

11. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М., 2010.
12. Норт Д. Пять тезисов об институциональных изменениях // Квартальный бюллетень клуба экономистов. 2000. Вып. 4.
13. Олейник А.Н. Есть ли перспектива у социальных движений в России: анализ развития шахтерского движения, 1989–1995 // Политические исследования. 1996. № 10.
14. Оффе К. Политэкономия: социологические аспекты // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингема. М., 1999.
15. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3.
16. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2001. № 2.
17. Резникова А., Петлевой В. Чиновники хотят ввести ЕГЭ для выпускников вузов // РБК daily. 21.09.2011 // www.rbcdaily.ru/2011/09/21/focus/562949981532821.
18. Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-пресс, 2002.
19. Ходжсон Дж. Что такое институты // Вопросы экономики. 2007. № 8.
20. Чубайс И.Б. Россия и Европа: идейно-идентификационный анализ. (Заметки консерватора) // Вопросы философии. 2002. № 10.
21. Acemoglu D., Robinson J.A. Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty. New York: Crown Publishers, 2012.
22. David P.A. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. V. 75. № 2.
23. Ha-Joon Chang. Institutions and economic development: theory, policy and history // Journal of Institutional Economics. 2011. Vol. 7. № 4.
24. Shlapentokh V. Public and private life of Soviet people. Changing values in Post-Stalin Russia. New York, 1989.

Статья поступила в редакцию 20.06.2012

С.Н. ЛЕВИН, д.э.н.,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет», Кемерово, Россия

ПОЛИТИКО-БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ РЫНОК В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Для современного модернизированного общества характерно превращение различных сфер жизни общества (экономической, социальной, политической и др.) в относительно самостоятельные подсистемы, но при этом связанные отношениями взаимозависимости (развернутый анализ этой проблемы в рамках экономической науки был дан в рамках германского ордолиберализма)¹. Подсистема «экономика» выступает как система экономических рынков, управляемых ценами и неподвластных прямому государственному влиянию. В то же время существуют проблемы произ-

водства общественных благ (в широком смысле слова), которые требуют использования государственного принуждения и решаются через механизм политических торгов (рынок власти). Поэтому постсоветская трансформация экономики и общества в России предполагала вычленение «экономики» и «политики», экономических и политических рынков в относительно автономные, но связанные отношениями взаимозависимости подсистемы.

В этой связи необходимо охарактеризовать понятие «политического рынка», выделив его «широкую» и «узкую» трактовки. В «широком смысле» политический рынок – это «рынок власти», система торгов политическим (властным) ресурсом. В «узком смысле» это классический политический рынок, возникающий в институциональных рамках, закрепляющих демократическую организацию политической подсистемы общества. Он является

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ №12-06-00290 «Специфика политического ресурса российских предпринимателей и её влияние на инновационное развитие»

¹ См., например: Ойкен В. Основы национальной экономики / Пер. с нем. Общ. ред. В.С. Автономова, В.П. Гутника, К. Херрманн-Пилатта. – М.: Экономика, 1996. – С.201-216.

© С.Н. Левин, 2012

предметом анализа в теории общественного выбора, в центре внимания которой находится политический выбор в условиях прямой и представительной демократии². *Классический политический рынок* необходимо рассматривать в паре с *бюрократическим (административным) рынком*, характерным для советской экономической системы как дискретные институциональные альтернативы организации политического рынка в широком смысле слова (рынка власти).

Целью доклада является характеристика направлений, содержания и результатов трансформации «рынка власти» в постсоветской России.

Исходным пунктом развития выступил советский бюрократический (административный) рынок. Анализ бюрократического (административного) рынка как системы «товарных» и властных трансакций был проведен такими исследователями, как В. Найшуль, П. Авен, В. Широнин, Е. Гайдар, С. Кордонский и др.³ Эта система строилась на иерархических торгах. Основные аргументы вышестоящего органа в рамках такого торга, находившиеся в его распоряжении - инструменты властной мотивации и права на распоряжение ресурсами. Аргументы предприятия и ведомства: адекватная экономическая информация о ресурсах и потребностях, а также контроль над реальным процессом производства.

Система вертикальных торгов дополнялась нелегальными, легализуемыми или ле-

гальными горизонтальными торгами - обмена-ми между организациями. По мере роста и усложнения экономики и увеличения заявок в верхних эшелонах власти возникла настоящая управленческая «пробка», и распределение ресурсов с помощью вертикальных торгов становилось все более затруднительным. Поэтому значение горизонтальных обменов непрерывно росло.

При этом бюрократический рынок может быть охарактеризован как обмен не только, и не столько материальными ценностями, но и властью, подчинением, правилами и исключениями из них. Это означает, что его важнейшими особенностями являются:

1. Сращивание политических и экономических торгов при решающей роли торговли властным ресурсом (это следствие политизации экономики, когда основная масса не только общественных, но и частных благ производилась в рамках централизованно управляемого государственного хозяйства).

2. Статусное неравенство участников торгов и преобладанием статусной конкуренции. Важнейшей целью всех участников является борьба за укрепление своих статусных позиций, что расширяет реальные возможности смягчения бюджетных ограничений (эти особенности столь существенны, что позволяют другим исследователям рассматривать эти отношения не столько как рынок, сколько как специфическую модификацию редистрибутивных и реципрокных отношений, образующих систему «кланового социализма»⁴).

Вышерассмотренные черты бюрократического рынка определяют его специфику как механизма институциональных изменений. Индивидуальный выбор в пользу противоречащих формальным правилам неформальным нормам при осуществлении иерархических и горизонтальных трансакций неразрывно переплетается с коллективными действиями в составе специальных групп интересов, формирующихся в недрах управленческой иерархии. Развитие узких по составу, но влиятельных групп интересов позволяет снижать издержки внезаконности до уровня, делающего индивидуальный выбор в пользу соответствующих неформальных норм массовым и устойчивым.

⁴ См., например: Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). Под ред. д.э.н., проф. Р.М. Нуреева. Серия «Научные доклады», № 124. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – С. 306-310.

² См.: Бьюкенен Дж. М., Таллок Г. Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии: пер. с англ. // Сочинения; гл. ред. кол. Нуреев Р.М. и др. – М.: «Таурис Альфа», 1997. Т.1. С. 31-206; Мюллер Д. Общественный выбор III / пер. с англ. под ред. А.П.Заостровцева, А.С. Скоробогатова. М.: ГУ ВШЭ, 2007.; Нуреев Р.М. Теория общественного выбора. Курс лекций: учеб. пособие для вузов. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2005. и др.

³ См.: Найшуль В. Либерализм и экономические реформы // МЭ и МО.1992. №8.; Авен П., Широнин В. Реформа хозяйственного механизма: реальность намеченных преобразований // Известия СО АН СССР. Сер. Экономика и прикладная социология. 1987.№3.; Шаталин С., Гайдар Е.Т. Экономическая реформа: причины, направления, проблемы - М., Экономика, 1989. С.20-48.; Гайдар Е.Т. Экономические реформы и иерархические структуры /Ответ. ред. С.С.Шаталин. - М.: Наука, 1989.; Кордонский С.Г. Рынки власти: административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2000. и др.

При этом узкий состав специальных групп интересов и ориентация их участников на реализацию частных интересов путем оппортунистического поведения по отношению к формальному принципалу – государству придает им характер распределительных коалиций, снижающих своими действиями эффективность экономики (показательным представляется характеристика их деятельности как проявления «красного склероза», данная М. Олсоном)⁵.

Развитие по пути бюрократического рынка с присущими ему механизмами статусной конкуренции означало превращение экономики и в совокупность сетевых структур корпоративно-кланового типа, пронизывающих формально единую государственную иерархию. Происходившее при этом перетекание экономической власти к хозяйственной номенклатуре предприятий и ведомств означало, что, формально оставаясь агентами, управляющие все больше превращались в принципалов, контролируемых наибольший объем прав собственности на ресурсы. В результате при формальном господстве государственной собственности большая часть правомочий оказалась сосредоточенной в руках номенклатуры предприятий и ведомств, а также трудовых коллективов и местных органов власти.

Сложившаяся структура бюрократических рынков во многом предопределила направления институциональной трансформации экономики во время перестройки. Развитие пошло по пути развертывания процессов *бюрократической либерализации и спонтанной приватизации*. Суть их заключалась в модификации отечественного бюрократического (административного) рынка в направлении ослабления роли центральных властных структур и демонтажа системы вертикальных плановых торгов. Единая административно-иерархическая лестница замещалась многослойной системой финансовых и неформальных связей экономических структур с органами власти различного уровня и группировками мафиозного типа.

Трансформация внезаконного и ориентированного на получение индивидуальных и групповых привилегий бюрократического (административного) рынка в систему взаимосвязанных и ориентированных на формирование

эффективной системы прав собственности политических рынков явилось одной из важнейших провозглашаемых целей экономических и политических реформ, проводимых в постсоветский период. Однако вместо планируемого разделения экономических и политических рынков произошла трансформации *советского административного рынка в постсоветский гибридный политико-бюрократический (политико-административный)*. Основные экономические, политические и социальные взаимоотношения в стране стали осуществляться через систему политико-бюрократического рынка, где господствуют неформальные нормы, носящие локальный и персонифицированный характер. Политико-бюрократический рынок базируется на сети «статусных» по характеру и внезаконных по форме неявных контрактов между государством и другими субъектами. В связи с тем, что на российском «гибридном» политико-бюрократическом рынке отсутствует представительство большинства граждан, действующие на нем меньшинства получают возможность в широких масштабах извлекать политическую ренту. По сути, по замечанию А.А. Яковлева, в 1990-е гг. была воспроизведена структура «административного торга» советского времени, с приданием ей рыночных внешних форм, а так же с поправкой на резко возросшую самостоятельность региональных элит и появление бизнес-элиты.⁶

Субъектами возникшего политико-бюрократического рынка выступают: государство (в лице «правлящей группы»), крупный бизнес, федеральная и региональная бюрократия. «*Правящая группа*» - это группа «экспертов», которая представляет собой «высшее звено» бюрократии (наследника советской номенклатуры). *Крупный бизнес* был «наделен» «правлящей группой» собственностью на активы и возможностью использовать в своих интересах административный ресурс в обмен на неявные обязательства политической поддержки и выполнение ряда функций по поддержанию экономической и социально-политической стабильности в стране. *Бюрократия* (включая представителей силовых и правоохранительных структур), в обмен на лояльность и выполнение определенного мини-

⁵ См.: Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз. / Пер. с англ. – Новосибирск: ЭКОР, 1998. – С. 403-413.

⁶ См., например: Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). Под ред. д.э.н., проф. Р.М. Нуреева. Серия «Научные доклады», № 124. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – С. 306-310.

му общественно необходимых функций, получила возможность «приватизировать» часть государственных функций и путем «продажи»

административного ресурса реализовывать свои частные интересы.

Таблица 1

Сравнительная характеристика бюрократического и политического рынков

	Политический рынок	Бюрократический рынок
<i>Субъекты рынка</i>	Избиратели, политики, группы давления	Различные группы интересов в рамках формально единой административной иерархии
<i>Тип институциональных соглашений</i>	Преимущественно легальный между субъектами, которые выступают как носители прав собственности (принципал – избиратель, а политики его агенты)	Как правило, внезаконный (между неравноправными субъектами)
<i>Модель хозяйственного поведения</i>	Чем более конкурентен и консенсусен рынок, тем более эффективно распределены права собственности. Это приводит к установлению жестких бюджетных ограничений	Происходит размывание формально сохраняющейся государственной собственности путем внезаконного присвоения прав собственности «группами интересов». Закрепляются мягкие бюджетные ограничения, причем степень мягкости различна для разных групп интересов, через рост статуса происходит их смягчение.

В 2000-х годах произошла модификация политико-бюрократического рынка, связанная с резким усилением переговорных позиций правящей группы.

«Гибридность» сложившегося политико-бюрократического рынка проявляется:

1. В реальном сращивании политических, бюрократических и экономических «торгов» при их формальном разделении.

2. Во встречной «бюрократизации» политических и экономических транзакций и «политизации» бюрократических и экономических «торгов». «Бюрократизация» заключается в том, что конкурентоспособность акторов в политике и бизнесе определяется статусом во властной иерархии. С другой стороны, «бюрократы» и «предприниматели» ведут себя как «политики», ориентируются на наращивание своего политического (властного) ресурса. При этом в сложившихся условиях

как представители властных структур, так и наиболее влиятельные предприниматели заинтересованы в том, чтобы доступ к политическому ресурсу был ограничен пределами «закрытого» клуба. Представители властных структур не только извлекают экономические выгоды, но и решают главную для себя задачу, связанную с укреплением позиций во властной иерархии. Предприниматели оказываются заинтересованными в наращивании инвестиций в укрепление разветвленной сети персональных взаимосвязей с представителями власти.

Таким образом, сложившаяся структура «рынка власти» определяет способы доступа предпринимателей к политическому (властному) ресурсу и отдачу от него. В странах, где утвердились классические политические рынки, нормой взаимоотношений между бизнесом и структурами государства становится лоббизм – давление на органы представительства со

стороны организаций, представляющих отраслевые или региональные группы интересов. Это означает, что предприниматели получают доступ к политическому (властному) ресурсу через коллективное действие. При этом он выступает для них как общественное благо, обеспечивая благоприятные рамочные условия предпринимательской деятельности, но не превращается в источник индивидуальных конкурентных преимуществ. В условиях же сложившегося в России политико-бюрократического рынка политический (властный) ресурс интернализуется, выступая как важнейший источник индивидуальных конкурентных преимуществ. Интернализация политического ресурса одновременно означает «размывание» частной собственности. В неинституциональной экономической теории (модель Гроссмана-Харта) признаками собственника актива является владение «связкой» из двух правомочий: на конечный контроль (права на принятие

любых решений об использовании актива за вычетом тех, которые в явном виде не заданы законом и не переданы в соответствии с контрактом другими лицам) и остаточный доход (доход, остающийся после расчетов со всеми остальными сторонами). В современной России властные структуры выступают на уровне реальных прав собственности как совладельцы прав на остаточный доход и конечный контроль. В этих условиях принятие рамочных мер по созданию благоприятного делового климата недостаточно для стимулирования инвестиционной и инновационной активности бизнеса. Принципиальное значение имеет переориентация властных структур на всех уровнях, в том числе региональном и местном, с краткосрочных задач выживания территорий на цели их долгосрочного развития.

Статья поступила в редакцию 17.06.2012

Д.В. КИСЛИЦЫН,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет», Кемерово, Россия

ИНТЕРНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕСУРСА В РАМКАХ БИЗНЕС-ГРУПП*

Понятие интернализации является одним из ключевых в современной транзакционной теории фирмы. В рамках классического Коузовского анализа, в ситуации, когда обмен может происходить как внутри организации, так и за ее пределами с помощью рыночного механизма, фирмы интернализируют те обменные издержки осуществления которых ниже внутри фирмы. Анализ границ фирмы с точки зрения интернализации активно применяется при изучении различных форм организации бизнеса, в частности транснациональных компаний, в то же время, его применение сталкивается со значительными сложностями при анализе бизнес-структур, характерных для развивающихся стран.

Одной из наиболее значимых особенностей экономик развивающихся стран является доминирование в их национальных экономиках особых организационных форм, представ-

ляющих собой совокупности формально независимых фирм, функционирующих, как правило, в несвязанных между собой отраслях, контролируемых собственниками, обычно представляющими собой клановую или семейную группу. Данные организационные формы получили в научной литературе название **бизнес-групп** (business groups). Чертами бизнес-групп, привлекающими наибольшее внимание исследователей является характерная для них несвязанная диверсификация и персонифицированные связи с представителями власти.

В рамках данной статьи нами будет предпринята попытка объяснить феномен бизнес-групп, расширив традиционную область применения подхода с точки зрения интернализации путем включения в анализ особого вида транзакций – транзакций на политическом рынке.

Коузовский подход бы развит О. Уильямсоном, который сделал его междисциплинарным, используя концепции из экономической теории, права и теории организации. Он

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ №12-06-00290 «Специфика политического ресурса российских предпринимателей и ее влияние на инновационное развитие» (2012-2013 гг.)